

«ТВОРЧЕСТВО— ДВИЖЕНИЕ. ЖИВУ ПОЭЗИЕЙ»

На вопросы корреспондента
«Недели» отвечает поэт
Андрей ВОЗНЕСЕНСКИЙ

Шел снег. Стояла приятная
утренняя тишина, располагающая
к раздумью.
Поэт бесшумно расхаживал по комнате,
говорил тихо, очень спокойно.
Он был самим собой
в этот ранний час,
как был самим собой вчера,
когда в переполненном
Доме культуры
1-го Государственного подшивников
завода громко, чтобы слышал каждый,
читал свои стихи.

— Андрей Андреевич, что вы думаете
о стихах последних лет?

— Нет «стихов вообще». Есть — поэты. Прекрасные поэтические страницы, скажем, Бориса Слуцкого, Арсения Тарковского в новом собрании «День поэзии». А телевизионный вечер Беллы Ахмадулиной! Помню, месяцев шесть назад, когда только затевались телевизионные вечера серьезной поэзии, некоторые сомневались, примет ли это многомиллионная аудитория. Время показало, что примет, что поэзия нужна, и именно серьезная, высокая. Хорошо, что предстоят вечера Константина Симонова, Давида Самойлова, Владимира Солоухина. Видите, НТР прекрасно сочетается с традицией чтения стихов вслух.

— Продолжением ответа на первый вопрос может стать слово о современном читателе.

— Тогда уж не только о читателе, но и о слушателе. Сейчас складывается тип Большого читателя (и слушателя), о котором мечтали поэты прошлого. Недавний вечер в лужниковском Дворце спорта показал, что отношение к хорошим поэтам постоянно. Правда, я считаю: лучше устроить десять отдельных вечеров, чем один — для десяти поэтов. Предпочитаю «камерную» аудиторию — не более двух тысяч человек. Поэт — индивидуальность, для каждого нужен свой настрой. В начале февраля, например, я буду читать стихи в московском Зале имени Чайковского в сопровождении музыки органа.

Цель творчества — самоотдача. Самоотдачей является и сотворчество талантливого читателя. Я знаю таких. Например, Юрий Карпейский — он вместе с коллегами впервые в мире определил величину силы ветра на поверхности Венеры. И он не менее талантлив как знаток поэзии. Или такой читатель-провидец, как художник график Стасис Красаускас. Или возьмем мое выступление на подшивниковом заводе — там оказалась и олимпийская сборная СССР по боксу. Хорошо, что у поэзии есть такие убежденные сторонники.

Растет не только читатель. Глубже стала в последние годы литературная критика. Увы, графоманство не иссякло. Им грешат порой водянистые поэмы и кое-кого из, так сказать, профессиональных стихотворцев.

— Издательство «Молодая гвардия» выпустило вашу новую книгу стихов «Витражных дел мастер». Отражает ли она какой-то этап вашей жизни?

— Конструктивно книга построена по принципу витражей. Свет радостный, оранжевый соседствует в ней с лиловым, темным светом. Ведь и сама тема этой книги — тяга к новому, истинному...

Кроме новых стихов, в книгу входят мои вариации на темы Микеланджело, новая редакция поэмы «Авось!» и некоторые стихи прежних лет, не вошедшие в «Дубовый лист виолончельный». Эта книга мне дорога и близка. Последние два года, составившие ее, были для меня трудны и серьезны. Они-то и стали стихами. Стихи близки мне жизнью, вложенной в них.

— Что это такое — ваша творческая мастерская?

— Лучшая для меня мастерская — лесная дорога, обрывающаяся в поле. Несмотря на то, что лес дает одиночество. Мне кажется, будто магнитное, чувственное поле деревьев подключается к человеческому, и происходит как бы подзарядка ду-

ховной и биологической энергией. В лесу лучше думается, пишется. Лучше ощущаешь ритм мироздания, тот гул лесных приливов и отливов, тот гул гармонии, о котором говорил Блок.

— В литературе, особенно на первых порах, все испытывают влияние кого-то из признанных мастеров. Наверно, и вам не удалось избежать этого?

— В юности мне посчастливилось знать Бориса Леонидовича Пастернака. Конечно, влияние его не могло не отразиться на моих первых стихах. Первым моим стихотворением считаю «Гойю». Безусловно, на стихи повлияла и архитектура. В первую очередь Владимирская школа, среди образов которой прошло мое детство. Позднее я увлекся принципами Корбюзье. Это тоже, вероятно, не могло не повлиять на мой склад, а стало быть, и на поэзию.

— Теперь вы признанный «мастер витражных дел». И у вас, вероятно, появились ученики?

— Вероятно. На днях, читая стихи одного поэта, моего антагониста, я с удивлением обнаружил несколько строчек из моих стихотворений...

— Каким вам представляется будущее молодой поэзии, кто из молодых, на ваш взгляд, подает особые надежды?

— Молодая Россия пишет свежо. После опубликования своей статьи «Муки музы» я получаю большую почту со стихами. Это главная радость — открытие нового имени. Я уже не раз называл Александра Ткаченко, бывшего футболиста из Симферополя, сильных ленинградцев — не буду повторяться. Добавлю к ним Александра Еременко, юношу из барнаульской деревни. Хочу составить антологию молодой сегодняшней «непохожей» поэзии.

— Вы много ездите по стране, бываете за рубежом. Не отрывают ли частые поездки от творчества?

— Творчество — движение. Почему лучшая пора для стихов — весна или осень? В это время происходит движение, слом в природе. То же самое и в духовном состоянии. Разрыв или зарождение чувства рождает стихи. «После неудачи пишется особенно свежо». Ищешь истину, встречаешься не с туристскими достопримечательностями, а с людьми и судьбами. Много дали мне поездки в Белоруссию, на Урал, к работникам Крымской астрофизической обсерватории. Интересна была недавняя поездка в Италию, где я встречался не только с такими писателями, как Альберто Моравиа, но и с прекрасными мастерами итальянского дизайна — искусства творческого оформления пространства.

— А вы сами делаете витражи, которых немало у вас дома?

— Да, люблю мастерить витражи. Ни с чем не сравнить ощущения, когда под вашими руками металлический каркас после электросварки обретает форму, стекло оживает и наполняется светом. Они выглядят по-разному в разное время дня, в разный час души. Так и стихи.

— Над чем сейчас работаете? Не собираетесь ли заняться прозой?

— Поэзия — неплановое хозяйство. Что касается прозы, то я доволен работой моих товарищей по перу. Возьмем прозу хотя бы минувшего года — В. Аксенов, А. Битов, Б. Окуджава, В. Распутин... И так ли уж четки жанры сейчас — где граница между стихами и прозой? Чем бы я ни занимался — живу поэзией.

Беседу вел
А. ИВАНУШКИН.

"Неделя", 1944, 24 января